

*О. А. Наумова, Вологда*

## **ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ДОКУМЕНТАХ СВЕТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ (1918-1990 гг.)**

Как известно, с принятием декрета СНК от 20 января (2 февраля) 1918 г. положение Русской Православной Церкви коренным образом изменилось. Отделение от государства поставило ее в принципиально новые условия, к которым церкви пришлось адаптироваться, сумев, однако, сохранить главное - свое единение с верующими, дух христианства, его культуру и его мораль. Об этом ярко свидетельствуют материалы вологодских архивов.

Несмотря на то, что после принятия декрета церковное делопроизводство обособилось от государственного, живая, активная деятельность церкви внутри и за ее пределами находит отражение в документах светских учреждений послеоктябрьского периода.

При подготовке данного сообщения были просмотрены документы архивных фондов органов власти и управления за 1918-1990 гг., отложившиеся в Государственном архиве Вологодской области. Судя по документам, в истории церкви, с точки зрения отношения к ней местной гражданской власти, можно выделить несколько этапов. Первый из них, период 1918-1923 гг., следует охарактеризовать как этап явно негативного отношения органов власти к церковной деятельности, видевших в церкви оплот контрреволюции. В этот период предпринимается целый ряд мер политического и экономического характера, направленных на массовое закрытие храмов, отлучение граждан от церкви, разрабатываются инструкции и положения по реализации декрета об отделении церкви от государства, по сути дела, ущемлявшие права верующих и духовенства<sup>1</sup>.

Передача церковных зданий верующим после принятия декрета была обставлена процедурой, которая явно не способствовала их использованию по назначению, всячески препятствуя получению зданий верующими. Члены церковной общины, претендовавшие на здание какой-либо церкви, должны были содержать его на свои средства, в складчину, оплачивать земельную ренту, налог со строений, производить другие необходимые затраты<sup>2</sup>.

Естественно, что для большинства верующих бремя расходов по содержанию храма, уплате земельной ренты и других установленных различными инструкциями выплат в условиях гражданской войны и разрухи было просто непосильным. Поэтому оговоренные в договоре с совдепами материальные обязательства об использовании и содержании церковного имущества зачастую обществами верующих не выполнялись, что давало повод местным органам расторгать договоры и осуществлять массовое закрытие церквей<sup>3</sup>. При этом сплошь и рядом нарушались циркуляры Наркомата юстиции от 28 декабря 1919 г. и НКВД от 31 января 1919 г., предписывавшие учитывать религиозные интересы верующих, их привычки, статистические данные посещений церкви, вместимость ближайших храмов от закрываемого<sup>4</sup>. Совершение религиозных обрядов и церемоний вне стен храмов не допускалось<sup>5</sup>. Возможно, поэтому как акт «гонения на религию и Церковь» рассматривало ленинский декрет большинство духовенства того периода во главе с Патриархом Тихоном, активно сопротивляясь и другому декрету: «Об изъятии церковных ценностей» от 23 февраля 1922 г. и не признавая в первое время новую власть<sup>6</sup>.

Наряду с этим документы показывают, что в 1918-1923 гг., в период противостояния священнослужителей традиционного тихоновского толка Советам, часть духовенства приняла Октябрьскую революцию и поддержала многие преобразования новой власти, выступив с инициативой обновления и реформирования церковной жизни. Позиция местных властей по отношению к новому церковному течению, получившему название обновленческого, судя по документам, сначала была скорее выжидательной, чем лояльной. Местная власть не вмешивалась в развернувшуюся борьбу между обновленцами и тихоновцами за их влияние в церковных обществах, в действующих храмах, которая проявилась в Вологодской губернии прежде всего при перерегистрации уставов церковных обществ. Однако после обращения Патриарха Тихона к епископату, духовенству и мирянам «являть примеры повиновения существующей гражданской власти» местные Советы в решении вопросов передачи в пользование храмов церковным обществам отдают предпочтение верующим необновленческого толка. Так, например, при рассмотрении заявлений двух групп верующих Волокославинской церковной общины, обновленческой и традиционалистской тихоновской, Волокославинский волисполком принял решение в пользу последних, рекомендуя обновленцам присоединиться к тихоновцам<sup>7</sup>. Возможно, подобная позиция местных исполкомов, как власти трудящихся, сыграла определенную роль в том, что в Вологодской губернии подавляющее большинство церквей не принадлежали к обновленческим. К середине 1928 года в Вологде из 33 православных церквей лишь 4 представляли обновленцев<sup>8</sup>. В целом по губернии на 22 июля 1929 г. из 518 действовавших православных общин лишь 7 были обновленческими<sup>9</sup>.

В фондах административных органов 1923-1924 гг. сохранились документы, относящиеся к формированию обновленческого движения в Вологде. В их числе - Положение об епархиальном управлении Российской Православной Церкви, утвержденное Поместным Собором, подготовленным обновленцами в апреле 1923 г., указ Священного Синода от 10 ноября 1923 г. Вологодскому епархиальному управлению «О запрещении создания коалиционного с тихоновцами епархиального управления... ввиду подсудности бывшего Патриарха Тихона и в силу невозможности для него управления делами церкви»<sup>10</sup>. В указе значится, что вместо «невозможного по существу коалиционного епархиального управления Священный Синод благословляет согласительную комиссию для объединения всех под единым знаменем Единой Святой Соборной и Апостольской церкви». Указом определялся и новый состав епархиального управления: епископ Иоанн, протоиерей Тихон Шаламов (отец писателя Шаламова), протоиерей Иоанн Смирнов и священник Иоанн Мальцев, обязанности уполномоченного Священного Синода рекомендовалось возложить на епископа Иоанна<sup>11</sup>.

Как показывают документальные источники, раскол в рядах Русской Православной Церкви был использован органами Советской власти. В мае 1924 г. вводится дополнительное обложение церковных общин по земельной ренте в размере 50 коп. с квадратной сажени<sup>12</sup>. Причем сроки уплаты не должны были превышать одного месяца. В связи с такими жесткими условиями в число должников только по г. Вологде попало 34 церкви. Еще в худшем положении оказались небольшие церковные общины. Неуплата долга в установленные сроки вела к расторжению договора с церковной общиной и закрытию церкви. За 1924 г. в фондах исполкомов и их административных отделов имеется масса документов о закрытии храмов, описи имущества закрытых церквей, списки духовенства на период их закрытия.

К маю 1924 г. закончили свою деятельность комиссии по ликвидации монастырей, действовавшие при уездных исполкомах, ввиду завершения этой работы<sup>13</sup>: монастыри в Вологодской губернии прекратили свое существование<sup>14</sup>. Одновременно органы народного и политического просвещения активизировали работу по антирелигиозной пропаганде, отвлечению населения от традиций праздновать Пасху, Троицу и другие церковные праздники<sup>15</sup>. Несмотря на отделение церкви от государства, контроль за личным составом духовенства, учет служителей культа по возрасту, образованию, имущественному положению осуществлялся государственными органами постоянно и повсеместно<sup>16</sup>. Именно по этой причине в документах светских организаций советского периода отложился значительный комплекс документов о личном составе священнослужителей церквей Вологодской епархии, служащих епархиального управления, пастырской школы при нем и канцелярии<sup>17</sup>.

В период с 1925 по 1929 г. каких-либо явно дискриминационных мер со стороны властей против церкви по документам вологодских архивов не прослеживается, но имеются сведения об ужесточении контроля советских и партийных органов за проведением процедуры богослужения, их длительностью, содержанием проповедей, о чинении препятствий в отдельных населенных пунктах в организации храмовых праздников.

В документах за 1928-1929 гг. можно встретить и позитивные решения властей по отношению к православной церкви. Так, например, в 1929 г. губисполком отменил решение Вологодского уездного исполкома о закрытии церкви при МХИ как ошибочное и приведшее к трениям с общиной верующих<sup>18</sup>.

Однако в те же годы инструкция о порядке предоставления верующим культовых зданий дополняется новыми ограничениями. Среди них - предписание местным органам закрывать храм, если обнаружится, что хотя бы один из его священнослужителей был причастен к контрреволюционным или антисоветским выступлениям<sup>19</sup>. Этот пункт дал впоследствии повод для закрытия церквей в период сталинских репрессий, под которые попала значительная часть служителей культа Вологодской епархии.

Согласно архивным материалам, сузившаяся в 1930-е годы до проведения храмовых богослужений и отправления частных треб, деятельность Русской Православной Церкви начинает оживать в годы Великой Отечественной войны. Трудности военного времени, потеря родных и близких, беды и лишения заставили многих советских людей искать утешение в церкви. Вера в Бога была как спасение, давала силы выжить, выдержать тяжелейшие испытания. Влекло в храм и то, что все тяготы войны духовенство разделяло вместе с народом, призвав верующих на священную войну с врагом, вселяя своими проповедями веру в неизбежность наступления победы. Патриотизм русского православного духовенства, возглавляемого Патриархом Сергием, проявился и в оказании помощи фронту. В Вологодском областном архиве новейшей политической истории сохранилась телеграмма Сталина с выражением благодарности церковной общине и духовенству кладбищенской церкви г. Вологды за перечисление 400 тыс. руб. в фонд обороны страны<sup>20</sup>.

Период 1941-1947 гг. можно оценить как период нормализации отношений между церковью и государством. Способствовал этому и созданный на местах в 1943 г. институт уполномоченных по делам религии и церкви при Совете Министров СССР. В этот период церковная жизнь в Вологодской области заметно активизировалась. Свидетельством этому служат массовые обращения граждан в советские органы с просьбой об открытии новых церквей. В 1944 г. таких обращений было 93, в 1945 г. - 92, в 1946 г. - 49, в 1947 г. - 59, в 1948 г. - 37, в

1949 г. - 20<sup>21</sup>. В течение 1944-1947 гг. часть этих обращений, хотя и незначительная, была удовлетворена. С 1948 г. не было удовлетворено ни одного ходатайства.

Этого же года в Вологодской области изменяется и направление работы уполномоченного по делам религии и церкви. Из органа, регулирующего отношения церкви и государства, он превращается в орган надзора, что находит отражение в годовых планах работы уполномоченного. Так, например, планы уполномоченного по делам религии и церкви при Совете Министров СССР по Вологодской области на 1948-1951 гг. предусматривали разработку сведений о составе духовенства и церковного актива, изучение состояния религиозного движения на территории области, сбор фактов о стремлении духовенства увеличить свое влияние на население<sup>22</sup>.

Еще больший контроль за деятельностью церкви устанавливается со стороны местных органов с 1956 г.<sup>23</sup>. В планы работы уполномоченного по делам религии и церкви включаются вопросы изучения содержания проповедей, оценки деятельности духовенства, церковных приходов. Как и в конце 1920-х годов, обращается внимание на длительность церковных служб, их влияние на верующих.

Самым тщательным образом анализируются финансовые отчеты церквей. В докладах и информациях уполномоченного по делам религии и церкви за 1955-1957 гг. в адрес председателя Вологодского облисполкома выражается обеспокоенность резким ростом доходов церковью Вологодской епархии, отмечается возрастание числа крещений, венчаний, отпеваний, указывается, что «открытые церкви с каждым годом богатеют, положение епархии укрепляется, имеют место факты оказания материальной помощи нуждающимся гражданам за счет средств церкви»<sup>24</sup>. В связи с этим партийные и советские органы предприняли меры по усилению культурно-массовой и просветительской работы среди населения. Ужесточается контроль и применяются различные меры административного и иного воздействия в отношении членов партии и комсомольцев, посещавших церковь, а также участвовавших в обрядах крещения, венчания и отпевания.

В 1960-е годы при всех горисполкомах и райисполкомах, независимо от наличия в городах и районах действующих церквей, создаются специальные комиссии по соблюдению законодательства о культах, в задачу которых входит организация противодействия растущему влиянию церкви на население<sup>25</sup>. Под контроль берется вся церковная жизнь: собираются данные о количестве проданных свечей, предметов церковного обихода и культа, сведения о зарплате священнослужителей, изменении их возрастного состава и образовательного уровня. Епархиальное управление обязывают направлять копии его приходо-расходных смет в адрес уполномоченного по делам религии и церкви при Совете Министров СССР по Вологодской области.

Судя по документам, период «хрущевской оттепели» не стал для церкви Вологодской епархии, как и в целом для Русской Православной Церкви, благоприятным, хотя вначале надежда на это у духовенства была, так как связывалась с начавшейся демократизацией общественной жизни. Однако этого не произошло. В 60-е годы нередким явлением были случаи административного произвола, выражавшегося в закрытии храмов вопреки воле трудящихся. Активность церковной жизни в те годы вновь затухает и вплоть до 1976 г. доходы церкви Вологодской епархии неуклонно падают, в большинстве своем покрывая расходы по содержанию церковных зданий<sup>26</sup>.

С 1976 г., согласно финансовым отчетам Вологодского епархиального управления, доходы церкви медленно начинают расти<sup>27</sup>. С началом перестройки, повлекшей за собой демократизацию всех сторон общественной жизни, они возрастают значительно в связи с увеличением совершаемых гражданами обрядов. В 1987 г. число крещений к уровню 1977 г. возросло в 3 раза, отпеваний - в 1,3 раза, бракосочетаний - в 5 раз<sup>28</sup>. Увеличивается число священнослужителей, открываются новые храмы. В 1989 г. в области дополнительно регистрируется семь церквей<sup>29</sup>.

Изменяется тон справок и докладных записок уполномоченного по делам религии и церкви в адрес обкома и облисполкома. В этих документах отмечается, что «большинство зарегистрированных священнослужителей поддерживает перестройку. В их проповеднической деятельности усилились патриотические и нравственные аспекты, призывы верующих к активному участию в перестроечных процессах служителей культа»<sup>30</sup>. Партийные и советские органы Вологодской области в 1988-1990 гг. особо подчеркивали, что демократизация и гуманизация всех сфер жизни общества является неотъемлемой составной частью улучшения отношений государства и церкви. В архивных фондах органов власти и управления периода перестройки отложились также документы, свидетельствующие об изменениях непосредственно в церковной жизни. В их числе - Устав об управлении Русской Православной Церкви, принятый Собором Русской Православной Церкви 8 июня 1988 г.

Таким образом, фонды светских организаций советского периода, хранящиеся в вологодских архивах, обладают обширной источниковой базой по региональной истории православной церкви, способной обеспечить исследователей необходимым материалом по широкому кругу проблем, касающихся различных сторон церковной деятельности, в том числе повседневной жизни приходов Вологодской епархии и динамики религиозности населения Вологодской области в течение 1918-1990 годов.

## ПРИМЕЧАНИЯ

- <sup>1</sup> Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф.53. Оп.1. Д.45. Л.27, 30-33.
- <sup>2</sup> Там же. Ф.3292. Оп.1. Д.77. Л.1-2,4,20; Ф.53. Оп.1. Д.45. Л.27.
- <sup>3</sup> Там же. Ф.412. Оп.1. Д.24. Л.1-2; Д.25. Л.125-127,300.
- <sup>4</sup> Там же. Д.170. Л.52.
- <sup>5</sup> Там же. Ф.53. Оп.1. Д.45. Л.31 об.
- <sup>6</sup> Там же. Ф.412. Оп.1. Д.25.Л.30.
- <sup>7</sup> Там же. Д.170. Л.3.
- <sup>8</sup> Там же. Д.170.
- <sup>9</sup> Там же. Д.181.
- <sup>10</sup> Там же. Д.25. Л.173.
- <sup>11</sup> Там же.
- <sup>12</sup> Там же. Л.125-127.
- <sup>13</sup> Там же. Ф.53. Оп.2. Д.806.
- <sup>14</sup> Там же. Ф.412. Оп.1. Д.25. Л.134.
- <sup>15</sup> Там же. Л.134-135.
- <sup>16</sup> Там же. Л.175,180; Д.36.
- <sup>17</sup> Там же. Ф.412. Оп.1. Ф.53. Оп.2. Д.810.
- <sup>18</sup> Там же. Д.170. Л.321.
- <sup>19</sup> Там же. Л.2.
- <sup>20</sup> Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф.2522. Оп.6. Д.60. Л.59.
- <sup>21</sup> ГАВО. Ф.1300. Оп.14. Д.1. Л.167-169.
- <sup>22</sup> Там же. Д.14.
- <sup>23</sup> Там же. Д.15. Л.4-10.
- <sup>24</sup> Там же. Д.16. Л.3.
- <sup>25</sup> Там же. Д.7. Л.20.
- <sup>26</sup> Там же. Д.20,45.
- <sup>27</sup> Там же. Д.45.
- <sup>28</sup> Там же. Д.45,57,59.
- <sup>29</sup> Там же. Д.63. Л.3-5.
- <sup>30</sup> Там же. Л.1-2.